

28 МАР 1985

Комсомольская правда
г. Москва

28/III-85

БОЛЬШОЙ актер всегда приходит вовремя и даже за годя. Н. Берковский, историк литературы и театра, писал в 1957 году о Смоктуновском — Мышкине, что он явился, как «весна света», та весна, что наступает в природе задолго до весны календарной и начинается в воздухе, свете, воде. Время будто выжидало, чтобы затребовать актера в нужный момент. Актер пришел как предчувствие перемен на драматической сцене, как весть ее обновления.

Тот факт, что Смоктуновский начал как бы с высшей точки, определил некоторые особенности его дальнейшей артистической судьбы. После Мышкина он каждый раз должен был подтверждать свой класс и репутацию. Между тем шли годы, подрастали новые поколения зрителей, для которых актер становился легендой ушедшего дня. Смоктуновскому все труднее становилось обеспечивать свое имя и славу золотым запасом духовного содержания, вне которого он не представляет искусство актера. Зрители постепенно привыкли к неслышанному голосу, невиданной пластике и остроте перевоплощения. Тогда Смоктуновский стал отстаивать себя самыми разными способами. Вновь начались его актерские странствия, после Ленинградского БДТ он долго был вне театра, стал звездой первой величины советского и мирового кино. На несколько лет и на одну роль судьба забросила его в «Дом Островского» — Малый театр. В середине 70-х годов Смоктуновский оказался в Художественном театре и обрел здесь, будем надеяться, свою родную гавань.

На театральном суперлайнере по имени МХАТ, правда, на разных его палубах, мне посчастливилось плыть вместе с артистом в последние годы. Как известно, многие легенды развешиваются, как дым, при малейшем к ним приближении. Еще бы! Каждый день ты видишь крупного художника в свете актерских будней, на каком-нибудь длинном и бестолковом заселении или в уютной гостиной гастрольной дорожки. Образ мельчится, дробится на осколки, воочию понимаешь то, что напропорочено Пушкиным:

«...Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...»
За Смоктуновским интересно наблюдать и в этот промежуток. Вокруг него всегда роится компания испытанных остряков, они смешат его, разыгрывают, пародируют (благо есть что пародировать). И Смоктуновский первый доверчиво и беззлобно смеется, давая шутникам насладиться властью. Сам он к такого рода розыгрышам мало приголен. Начав рассказывать какой-нибудь анекдот или веселую историю, он обязательно позабудет самый важный сюжетный мотив или перепутает ударную последнюю фразу и вновь вызовет взрыв смеха. Среди «детей ничтожных мира» он порой выглядит самым незащищенным, по-детски наивным и по-крестьянски хитрым. Если вспомнить известную классификацию мхатовских актеров, которую дал в своей замечательной

книге Вадим Шверубович, сын Качалова, то Смоктуновского уж никак не отнесешь к «номерным», т. е. к тем, кто непременно становится душой компании, способен сыграть, насмешить, отколотить «номер». Во всех этих ситуациях Иннокентий Михайлович — чаще всего лицо страдательное.

«Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...»

В освещенном пространстве сцены Смоктуновский преображается. Становится понятным, почему он не может быть «номерным». У тех вся энергия уходит в закулисной жизни, а Смоктуновский свой внутренний мир оберегает, что-то сокровенное не выплескивает, копит к нужному часу.

Годы, роли, судьбы

У него все время идет какая-то внутренняя работа, он наблюдает за собой, за нами, за тем, что творится вокруг. Приехав в какой-нибудь город, он чуть ли не первым делом заглянет в магазин, посмотрит, что на прилавках, поспрашивает, зайдет на рынок... Худший режиссер для него — это режиссер типа «книжной полки», убивающий живое наблюдение и чувство ложной мудростью.

Много раз слышал от Смоктуновского рассказ о том, как долго не шла у него роль Мышкина. Сокрушала собственная бездарность, невзлюбившая по сцене, немиссия тяжесть ученых истолкований. Образ не давался до тех пор, пока он Мышкина не увидел: не в романе Достоевского, а в реальной жизни. В светлом коридоре киностудии, в потоке людей, торопливо снующих по разным делам, каким-то боковым зрением Смоктуновский разглядел странного человека. Одинокий, тот стоял у стены и читал книгу, абсолютно выключенный из общего времени, из бурного ритма, из беспрерывно меняющегося, как шахматные фигуры на доске, пространства. Он стоял отрешенно, под светом какой-то лампы, омываемый людским потоком. Потом актер познакомился с этим человеком, узнал, сколько тот страдал, услышал голос будущего Мышкина. На следующий день, как говорится, роль пошла...

В ДЛИННОМ ночном разговоре в поезде Иннокентий Михайлович рассказывал о годах войны, о своем плене, побегах, партизанском отряде. Он даже не помнил, что награжден двумя медалями «За отвагу» и многими иными боевыми наградами, что он прошел в пехоте до самого Берлина. Он вспоминал войну как художник, в потрясающих случайных и неповторимых деталях и человеческих проявлениях, в тех ситуациях, когда смерть перестает быть значимым событием, а входит в распорядок дня, ста-

новится бытом. После этого рассказа я как-то заново пережил в памяти некоторые излюбленные интонации Смоктуновского в «Гамлете», особенно ту, знаменитую, которую он вонзает в двух веселых приятелей-стукачей.

Смоктуновский насмотрелся в жизни много такого, что, вероятно, и не снилось шекспировским мудрецам. Из всего виденного и пережитого он вынес ненависть к насилию, к холодству, к унижению человеческого достоинства. И веру в силу совести отдельного, ни на кого не похожего человека. Отсюда же и его вера в достоинство актерской профессии.

Смоктуновский относится к той редчайшей породе

тиста «не от мира сего».

Но есть другой Смоктуновский. Это актер-самоед, вечно неудовлетворенный тем, что он делает, комплексующий, беспрерывно воспитывающий себя в ощущении того, что надо сделать что-то настоящее и что на это настоящее может не хватить жизни. Он распахнут навстречу проблемам сегодняшнего дня. Когда на художественном совете А. Гельман прочитал пьесу «Наедине со всеми», то Смоктуновский выступил первым и сказал только одну фразу: «Эта пьеса про меня». Тем, кто помнит, о чем написана пьеса, заявление актера может показаться странным. Но в этом весь Смоктуновский. Он и Иудушку играет с тем

актеров, которые берут в руки не новую роль, но чужую судьбу и отвечают за нее всей своей индивидуальностью. Играет ли он Гамлета или Иудушку Головлева, Моцарта или Плюшкина, актер завораживает сотворением на наших глазах образом живой жизни. Она может быть ничтожной или великой, прозрачной, пустой или бесконечно насыщенной разумом, но все равно это жизнь, тайна, которую не устает разгадывать никогда. Где бы и что бы ни играл Смоктуновский, под своей личной ответственностью он пытается понять и сотворить чужую жизнь в ее величии или гибельном распаде, в моментах стыда, тоски, угрызений совести, любви, вдохновения, творчества. Во вне серьезной режиссуры его дар иссякает.

Спрашиваю у Иннокентия Михайловича, почему он так часто полемизирует с режиссерами в своих интервью, которые порой кажутся очень странными и совсем не выражающими настоящего Смоктуновского? Актер обижается и пытается объяснить, что он пенит многих режиссеров, начинает рассказывать о Борисе Равенских, о Михаиле Ромме — «чудо-режиссер и чудо-человек». С нежностью говорит о Льве Додине, с которым вместе сотворил своего Иудушку. Спрашиваю, наконец, о Ефремове. Смоктуновский задумался на минуту: «Очень русский характер. Доброта, талант и сила, устремленные в одно направление. Сокрушить его может разве только встречный лазерный луч».

СМОКТУНОВСКИЙ давно существует как бы в двух измерениях — легендарном и реальном. В первом случае это художник, вынужденный подтверждать сложившийся в массовом сознании образ ар-

же чувством личной ответственности за изуродованную душу. Правдиво развитый человек критику мира и общества всегда начинает с себя. С этим чувством большой актер выходит на сцену.

Облик Смоктуновского настолько своеобразен, что иные критики пишут о каком-то аристократизме, особой породе, выдающей себя в пальцах рук, и т. д. Между тем Смоктуновский родился в беднейшей крестьянской семье, был третьим из девяти детей, многие из которых умерли с голода. Его благородство питается скрытой и мощной корневой системой, уходящей в народную почву.

ОН НИГДЕ не учился актерскому мастерству. После кровопролитнейшей войны он пришел в театр, прочитал крыловскую басню, а потом какой-то отрывок из тургеневских «Отцов и детей». Его взяли в театр, как он сам выражается, «за штаны», т. е. просто за то, что он был мужчиной, а тогда потоком шли военные пьесы, и «штаны» на сцене нужны были позарез.

Он выработал себя сам. Ему помогли и направили крупнейшие режиссеры, которые встретились на его пути. Как бы он ни спорил с ними, без них не было бы Смоктуновского. Без них он не озвучил бы своим голосом целую эпоху нашего искусства.

К юбилею актера — ему исполнилось 60 лет — почти во всех наших центральных газетах и журналах появились статьи. Спрашиваю, доволен ли Иннокентий Михайлович тем, что о нем пишут, и что стоило бы добавить.

— Налишите обо мне как о человеке, а то все про актера, про актера...

Как мог, я попытался выполнить просьбу своего старшего друга.

А. СМЕЛЯНСКИЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Сегодня Иннокентию Смоктуновскому исполняется 60 лет. За большие заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с шестидесятилетием он награжден орденом Ленина.

Поздравляем!